

Приск, а вслед за ним и Иордан, оставили нам описание наружности Аттилы. Приск пишет, что Аттила держался гордо, шел важно, глядя по сторонам ⁷¹; он был иногда вспыльчив, груб, впадал в страшный гнев, но чаще всего со своими подчиненными был приветлив, советовался с приближенными о всех делах, имел целый штат писцов, вел дипломатическую переписку ⁷².

Иордан так описывает Аттилу: «Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи), он являл все признаки своего происхождения» ⁷³.

Насколько мы можем судить по отрывкам произведения Приска, последний был более объективен и умерен в оценке Аттилы, чем Иордан, который постоянно хулит все действия Аттилы.

Такую же объективность и отсутствие враждебности проявляет Приск при описании быта и нравов племен гуннов. В отличие от других авторов — Аммиана Марцеллина, Зосима, Иордана — Приск отнюдь не акцентирует внимание на рассказе о свирепости гуннов и грубости их нравов. Описывая образ жизни гуннов, он не видит в их поведении какой-либо особой, безудержной, присущей им одним жестокости, хотя и признает крутой и непреклонный нрав их правителя. Приск рассказывает, что на войне гунны проявляли такую же беспощадность, как и ромеи, но с пленными обращались более мягко, давали им свободу, оставляли жить у себя в качестве равноправных с победителями людей ⁷⁴.

В совершенно объективном, спокойном тоне повествует Приск о причинах войн между гуннами и ромеями. Эти причины, по его мнению, заключаются в требовании гуннами у ромеев дани, земель, выдачи варваров-перебежчиков и беглых ромеев-военнопленных. Пленные ромеи, как правило, возвращаются от гуннов на родину, но бывают случаи, когда византийцы, попавшие в плен к гуннам, остаются у них жить навсегда ⁷⁵. Приск рассказывает о любопытной встрече с богато одетым греком, который предпочел жизнь у гуннов жизни в империи. Незнакомец, увидев Приска на улице близ дома Онигисия, первый подошел к нему и заговорил на греческом языке. Приск был весьма удивлен, услышав эллин-

⁷¹ *Priscus*, fr. 8.

⁷² *Ibidem*

⁷³ *Jordan. Getica*, § 182—183; *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, стр. 306. Враждебное отношение Иордана к Аттиле, пожалуй, находит объяснение в том, что гуннский король был опасен для варварских племен, в том числе и для готов, на стороне которых, естественно, были симпатии писателя. Все варвары, по словам Иордана, мечтали освободиться от власти Аттилы. «И не иначе смогло любое скифское племя вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Аттилы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна» (*Jordan. Getica*, § 253).

⁷⁴ *Priscus*, fr. 8; *Jordan. Getica*, § 122, 127—128; *Ammian. Marcell.*, XXXI, 2, § 2—11; *Zos.*, IV, 20. Иордан так описывает отталкивающую наружность гуннов и их необычайную жестокость: «...они наводили ужас на противников своим страшным видом; они обращали их в бегство, потому что их образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа...» (*Jordan. Getica*, § 127). Столь же отрицательными чертами наделяет гуннов и Аммиан Марцеллин.

⁷⁵ *Priscus*, fr. 5.